Я шёл по морскому берегу, босыми ногами ступая на ещё влажный и от этого кажущийся очень плотным песок побережья. Море тихо шумело, волны набегая, плавно откатывали назад, влекомые отливом На небе виднелись звёзды, оно было чистым-чистым, и где-то вдалеке затерялась луна, свет которой освещал небольшую пену возле берега.

Бродить по тихому морскому берегу ночью всегда доставляет удовольствие, потому что обычно здесь нет никакого лишнего шума и практически всегда безлюдно: только небо, звёзды, луна и ровный шум моря. В это время думается о разном, но мысль цепляется за мысль, и постепенно выстраивается длинный ряд, состоящий из воспоминаний, идей и, иногда кажущихся на первый взгляд странными, желаний. Но всегда это очень интересно. В такой обстановке мышление работает прекрасно, и это доставляет мне огромное удовольствие.

Я видел, что вдалеке горит костёр, и медленно двигался к нему. Мне было интересно, кто пришёл сюда в столь поздний час, когда обычно здесь никого не бывает, и при этом осмелился развести огонь. Подходя ближе, я стал слышать людские голоса, и постепенно у костра вырисовывалось несколько фигур, силуэтов, полутёмных и пока таинственных. И мне почему-то хотелось приблизиться к ним и сесть рядом: они не кричали, а тихо разговаривали и, скорее всего, пришли сюда для того же, что и я: чтобы найти тишину и одиночество, но, в отличие от меня, одиночество для небольшой группы.

Я медленно приближался к ним. Они не слышали меня и даже не замечали идущего к ним незнакомца, продолжали болтать о своём, но тут я понял, что говорят они только между недлинными паузами. Вдруг заиграла гитара, барабанные палочки стали отбивать ритм, и кто-то запел

какую-то песню. Песня эта мне нравилась, и я замедлил шаг, чтобы не приблизиться к ним раньше времени, боясь прервать эту музыку. Когда я подошёл, песня почти подошла к концу, и когда меня уже заметили, неизвестный мне певец допевал последнюю строчку и в это же время кивнул мне в знак приветствия. Я ответил ему тем же. Последние аккорды смолкли, и я зааплодировал.

– Браво, браво! – сказал я, а они только смущённо на меня смотрели. – Извините меня, я гулял по берегу и случайно заметил вас. Вы очень хорошо играли и пели.

– Спасибо, спасибо, – как-то рассеяно ответили они, всё ещё продолжая смущаться, но смотря на меня очень счастливыми и радостными лицами.

– Присаживайтесь к нам, – сказал мне гитарист, указав на свободное место на маленькой коряге, на которой сидел другой музыкант с саксофоном в руках. Тот подвинулся, но я почему-то сел рядом с гитаристом, прямо на песок, ещё не совсем остывший после жаркого дня.

– Если только я вам не помешаю.

– Нет-нет, что вы! – взмахнул руками гитарист. – Ночные слушатели здесь – большая редкость. Нам даже будет очень приятно.

И он заиграл новую песню.

Когда они пели, весь мир вокруг нас будто бы замирал: даже море рядом с нами, казалось, шумело тише или вообще почти не шумело, улавливая каждый звук песни.

– Кто вы, скажите? – спросил их я, когда они закончили. – Здесь очень редко можно кого-то встретить, когда гуляешь ночью.

– А вы любитель гулять по ночам? – спросил меня гитарист. Он постоянно улыбался, когда говорил, и лицо его было таким спокойным и невозмутимым, и он сам казался таким же.

Я неловко кивнул головой.

– Мы – музыканты, – ответил он. – Разве не видно? Что касается имён – мы давно отказались от каких-то званий, титулов и даже имён, потому что всё это уже не нужно нам. Мы играем ночью в безлюдных местах, и музыка наша разлетается и растворяется в пространстве, но отзвуки её живут вечно.

И гитарист снова заиграл, барабанщик стал стучать палочками друг об друга и по своему барабану, саксофонист завёл долгую грустную мелодию, криками души вырывающуюся в небо, срывающуюся с высоты звучания вниз и снова поднимающуюся ввысь. Саксофон его блестел в свете слабой луны, он отражал меня, сидящего напротив, и мне всё казалось, что кроме меня в этом саксофоне отражаются только звёзды, этакие маленькие полупрозрачные точечки, и больше там ничего нет. И я увидел, как по щеке саксофониста потекла слеза, как она медленно скатилась вниз, оставив за собой след, и как надолго задержалась, прежде чем сорваться и упасть на песок. Саксофонист оборвал свою длинную-длинную ноту, кульминацию своей импровизации, и тут главным голосом вступили скрипка и контрабас, сидящие со мной совсем рядом. Странно, подумал я, ведь до этого я и не замечал, что здесь, около меня, сидели ещё два музыканта. Причём я мог не заметить скрипку, но не заметить контрабас мне представлялось нереальным. Более того, дело не в инструментах: до этого я не заметил и самих людей. Не может же такого быть, чтобы они незаметно подошли или вообще спустились с неба, присели рядом и стали играть. Но я быстро забыл об этом, заслушавшись их музыкой.

– И ведь что странно, – сказал мне гитарист, когда последний аккорд ещё не дозвучал, – здесь ночью даже звуки слышатся по-иному. Сыграй мы эту мелодию днём, была бы самая обычная мелодия, но вот мы играем её ночью на берегу моря, и, мне кажется, это что-то прекрасное.

– Действительно, – согласился я. – Правду сказать, я не слышал её днём, но звучит это действительно великолепно.

– А часто вы бродите по ночам? – спросил меня гитарист.

– Ну, – задумался я, – не так часто. Бывает, очень хочется пройтись ночью по одинокому берегу. Знаете, когда совсем плохо на душе, такое бывает, на меня это действует как лекарство. Я будто оживаю.

– Так вы романтик?

– Может быть. Хотя сам я так не думаю.

– А зря. Быть может, в этом есть ваша жизнь.

– В прогулках по ночному пляжу? – усмехнулся я. – Бродить при луне возле моря?

– А почему нет? Скажите мне, почему? – гитарист подождал, пока я отвечу, но, так и не дождавшись ответа, продолжил. – Может быть, именно гуляя по ночному берегу вы сможете найти в себе что-то такое, что определит вашу жизнь. Или эти прогулки наведут вас на идею, которую вы разовьёте. Может, вы художник, но об этом пока не знаете.

– Я подумаю над вашими словами, – ответил я.

– А вы подумайте, подумайте, – ответил гитарист. – Мне кажется, это даст свои плоды.

Он снова заиграл, и теперь ему аккомпанировал трубач. Музыканты долго непрерывно играли, а я всё думал, кто же они такие, как они оказались здесь, что их заставило прийти сюда. Босые люди в лёгкой одежде, они почему-то не вписывались в этот пейзаж.

– Жизнь, – продолжил свои размышления гитарист, – не так длинна. И смысл её я лично вижу в том, чтобы создать что-то новое, творить, передавая своё творение кому-нибудь другому как частичку себя. Понятно, что для меня, равно как и для всех нас, это творение – в музыке. Бродя по берегу, умейте ценить каждую свою мысль, потому что она уникальна, потому что только она раскрывает вас настолько, насколько необходимо человеку. Для нас музыка – творение необыкновенное. Мы можем раскрыть себя через неё. И вы представляете, сколько откровений передалось вам за эти полночи, что вы сидите с нами? Уловили их? Я вижу, что уловили. Может, вы этого не понимаете, но вы их уловили. Где-то на подсознательном уровне. Где-то на уровне души вы их поймали.

Они снова заиграли, все разом, и громче их всех был, как ни странно, певец, певший негрустную песню о своём прошлом.

– И всё-таки, откуда вы? – спросил я.

– А вам так обязательно это знать? – пожал плечами гитарист. – Если так, то мой ответ не слишком удовлетворит вас. У нас нет ни страны, ни города, ни тем более дома. У нас нет ничего лишнего. Только музыкальные инструменты. И душа, конечно же. И душа, – задумчиво повторил он. – Это наше богатство, и нам больше ничего не надо. Так вот нам повезло, что у нас всё есть.

– И как же вы живёте?

– Вполне себе хорошо. Вы представляете, сколько перед нами открыто возможностей с нашим капиталом? О, безгранично!

Я не понимал, о чём он говорит, и он об этом знал, но даже не давал никакого намёка на подсказку. Я же видел, что глаза его не без некоторой доброй надменности, основанной на неизвестном мне опыте, говорят, что я, может быть, пойму это когда-нибудь потом.

Музыканты играли снова и снова, не переставая. А я слушал их и думал, что так хорошо мне ещё никогда не было. Пищали ветки в костре, шумело море, играла музыка и была ночь. Никогда я ещё не испытывал такого прекрасного чувства, какое у меня было сейчас. И вряд ли я его когда-нибудь испытаю. Может быть, это было настоящее счастье, тихое и незаметное, но такое ощутимое, что от него становится так прекрасно. Меня клонило в дрёму, а музыканты всё играли и играли, а мне становилось всё лучше и лучше, и я думал, что это счастье становится всё больше и больше, и уже начинал задумываться, как его подольше сохранить потом, после того, как эта ночь кончится.

Человек должен быть счастлив, понял я в эту минуту. А гитарист будто уловил мои мысли, радостно зажмурился и, продолжая кивать в такт своей мелодии, заулыбался, и вскоре начал новую песню без слов, но мне почему-то казалось, что она именно о счастье.

– Подпевайте, – подмигнул он мне. – Давайте, не стесняйтесь.

– Я не знаю слов, – ответил я.

– Ничего страшного, их здесь нет. Просто подпевайте мотиву.

И мы сидели так долго-долго, глядя друг на друга, напевая неизвестный мне мотив, который без труда пелся, как будто всегда был со мной. И я пел: ла-ла-ла-ла-ла. Я забыл в этот момент обо всём, кроме того, что мне было очень хорошо. Всем нам, я чувствую, было очень хорошо.

Мы все как-то разом замолчали и долго смаковали тишину, хотя у каждого наверняка звучал ещё в голове добрый мотив.

Лица наши обдувал лёгкий ветерок, море разбавляло тишину тихим шуршанием. Потрескивал догоравший костёр.

– Потухнут эти угли, – прервал тишину гитарист, – вспорхнёт в холодный воздух последняя красная искра и растает там. И звук растает. Всему свойственно исчезнуть, растаять. Но ценность жизни в том, чтобы наслаждаться ею, а не думать о её прекращении. Делать то, что тебе нравится, не заглядывать в фатальный конец и лишь изредка оборачиваться назад, потому что без прошлого нет будущего. Для нас это – музыка. Мы можем играть бесконечно – так нам покажется. Ведь наступит конец. И всё же мы готовы играть до конца. Потому что в музыке мы видим что-то такое вечное, вечное для нас, и мы приобщаемся к этому вечному, сами немного проникая в века. Но это вечное для каждого своё. И каждый должен его найти. Вот что тебе так же нравится? Что для тебя такое же вечное? Что для тебя вечное?

Я задумался. И вскоре понял, что не могу дать ответа.

– Я не знаю.

– Но это тоже хорошо, – успокоил меня гитарист, и лицо его светилось от необъяснимой для меня радости. – Значит, у тебя всё впереди. Значит, тебе предстоит это отыскать. Значит, вся жизнь у тебя впереди и лежит перед тобой! Разве это не прекрасно?

– Наверное, прекрасно, – неуверенно сказал я.

На это гитарист только крикнул негромкий клич, вроде «Хэй!», и все музыканты снова заиграли.

Парень на мелодике перебирал пальцами короткие пассажи, труба и саксофон по очереди выводили соло, а когда певец и гитарист пели дуэтом, им аккомпанировали скрипка и контрабас.

Когда они закончили, вокруг вдруг стало необычайно тихо, даже треск костра был слишком громким в этой сплошной тишине, а море как будто замерло в этот миг, но вскоре и оно зашумело.

– Скоро рассвет, – усмехнувшись, сказал гитарист, обернувшись на море.

Он промычал какой-то мотив, и все музыканты как один стали ему подпевать, и у них получилось чистое многоголосие. Но оно длилось недолго, очень недолго. Все замолчали, и снова вокруг стало необычайно тихо.

– Это была наша последняя песня, – сказал в этой тишине гитарист. – Сегодня нам уже пора.

Все молчали и грустно смотрели на догоравший костёр. И как только они поднялись со своих мест, из-за морского горизонта показалась кромка оранжевого солнца.

– Спасибо, – сказал мне гитарист, – было очень приятно провести с вами ночь.

– Это вам большое спасибо, – ответил я. – До свидания.

– До свидания, – сказал гитарист, и все остальные, уходя за ним, улыбались мне и кивали головой в знак прощания, и я отвечал им тем же.

Солнце медленно поднималось из-за горизонта, и свет растекался по земле так же медленно, становясь всё ярче и ярче. Песок приобрёл оранжевый окрас, такой же, как у солнца, но только немного светлее, и вместе с отблесками на море выглядел очень красиво. Музыканты шли по нему босиком, цепочкой друг за другом. И вдруг они стали прыгать и смеяться, но всё отдалялись и отдалялись. Я уже не слышал их смеха, но знал, что они точно радостно смеются. А потом они опять пошли цепочкой друг за другом. И я видел, как несколько силуэтов с музыкальными инструментами уходят по берегу моря на фоне рассветного солнца, и их фигуры, уже затемнённые ярким светом лучей, становились всё мельче и мельче.

Вдруг порыв ветра сорвал у гитариста шляпу, и она покатилась по песку. Никто не подхватил её, да и сам гитарист не бросился за ней вдогонку: они продолжали идти. Я попробовал окликнуть их, побежать им вслед, но они не оборачивались. Вскоре ветер принёс шляпу мне. Я снова окликнул их и помахал им, но они то ли не слышали меня, то ли не хотели слышать.

Прибывшее море уже смыло их следы. Солнце слепило глаза, и мне пришлось их зажмурить и закрыться от яркого света. И сквозь зажмуренные веки я увидел, как уже крошечные фигурки просто растаяли в нагревающемся воздухе, как пустынный мираж. Они действительно растаяли, как будто их и не было вовсе.

Я пошёл вдоль берега моря, все размышляя о них. Может, и не было вовсе никого, а всё было лишь сном или бредом? Но вон же лежат угли от потухшего костра, вот шляпа в моих руках. Всё-таки, значит, кто-то был.

Я посмотрел на горизонт и понял, что они не вернутся. Больше мы с ними никогда не увидимся, а шляпа в моих руках – лишь подтверждение того, что растаявшие в утреннем мареве люди действительно были рядом со мной всю ночь и я действительно слышал их музыку.

Я размахнулся и бросил шляпу в море. Она полетела далеко вперёд, проскользив по водной поверхности и дважды от неё оттолкнувшись,

и поплыла в сторону горизонта к почти уже вставшему солнцу. И я был уверен, что она приплывёт куда надо, туда, куда я её и отправил.

Я брёл по морскому берегу. Это была очень короткая ночь, но она столько для меня значила.

Странные ли, больные ли, несуществующие ли вообще призраки полуночных мечтаний, или самые прекрасные люди, они открыли для меня многое, столько же оставили и закрытым. А к каким-то тайнам дали только ключ: возьми, поверни, и откроется эта дверь. Но и это почему-то даётся с трудом, и не каждая дверь поддаётся сразу.

Наверное, это символично: уходить в закат. Этакий акт прощания, финал, ни с чем не сопоставимый по красоте. Они сделали наоборот.

Каждый раз, когда я вспоминаю их, у меня перед глазами стоит картинка, как силуэты одиноких музыкантов босиком идут на фоне восходящего солнца, и всё медленней и медленней уходят вдаль, пока совсем не исчезнут в ней.